

нии названных представителей, удалось надлежащим образом осветить наиболее важные в настоящее время для меховой торговли вопросы, устранить различные противоречия, возникшие в среде меховщиков в отношении толкования правил, регулировавших внутреннюю и внешнюю торговлю России (*Там же. Л. 79*).

Итак, крупные меховщики принимали активное участие в постановке и разрешении вопросов развития российской пушной торговли в период Первой мировой войны. Предприниматели стремились найти оптимальные способы и пути ведения своих торговых операций, обращаясь непосредственно к российскому правительству, с целью повышения эффективности ведения пушного промысла, ускорения оборота капитала, расширения рынков сбыта продукции. Обсуждение вопросов развития пушного промысла и торговли на совещаниях позволяло наметить экономический и политический курс российского правительства в период Первой мировой войны.

В.А. СЕМЕНОВ

МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ О «КИТАЙСКОЙ УГРОЗЕ» ВОСТОЧНЫМ ОКРАИНАМ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Накануне Первой мировой войны, китайцы доставляли неприятности российским провинциальным властям, прежде всего, в уголовной сфере. Журнал «Сибирские Вопросы» в 1912 г. сообщал общественности, что борьба с преступниками-китайцами (хунхузами) не имела успеха, несмотря на существование пограничной стражи, полиции и прокуратуры, а также военных властей, использовавших все преимущества паспортной системы учета китайцев в пределах России (*Обыватели и полиция // Сибирские Вопросы. 1912. № 20. С. 55*).

Правоохранительные ведомства принимали меры по противодействию китайскому бандитизму. Устанавливался жандармский обход с патрулем пассажирских и товарно-пассажирских поездов при участии дежурного по станции или главного кондуктора поезда для задержания подозрительных лиц. Нанимались агенты-сыщики из числа китайцев. Но все это не приносило успеха в борьбе с правонарушителями из Китайской республики.

Ситуация осложнилась после вступления России 1 августа 1914 г. в Первую мировую войну. 9 августа по инициативе Иркутского и Приамурского генерал-губернаторов возник вопрос о предъявлении Китайскому Правительству категорических протестов, «дабы заставить его очистить от разбойников пограничные районы». В ответ на это предложение Ми-

нистерство иностранных дел России уведомило генерал-губернаторов о невозможности подобного представлении, которое «будет служить в глазах Китайского Правительства лишь доказательством слабой защищенности нашей границы». К тому же, по мнению МИДа России, «эти представления бесцельны, ибо Китайское Правительство бессильно сладить с хунхузами в Маньчжурии.... При настоящей политической обстановки, — заключало дипломатическое ведомство, — когда военные силы наши должны быть сосредоточены для борьбы с нашими врагами на Западе, нам необходимо избегать острых конфликтов с нашими восточными соседями» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 92. Л. 3 об).

Однако позиция российского МИДа, направленная на «умиротворение» китайских властей в момент начала европейской войны, не соответствовала возможностям региональных властей.

Так в конце 1914 г. возник вопрос «Об организации германцами китайских шаяк» на востоке России». 17 ноября 1914 г. начальник жандармско-полицейского управления (далее ЖПУ) Амурской железной дороги докладывал Приамурскому генерал-губернатору: «Вследствие дошедших до меня слухов о происходящем среди китайцев брожении против русских, концентрировании китайских войск на границе с Россией, главным образом, против города Благовещенска, будто бы с целью внезапного нападения, когда замерзнет река Амур на город Благовещенск, так и в других пунктах по границе, мною приняты меры по проверке этих слухов, путем установления должного наблюдения за китайцами по линии Амурской железной дороги, пролегающей по границе на 100 верст, к приобретению агентуры для работы в этом направлении, о чем даны соответствующие распоряжения и указания начальникам отделений и приставам Амурской железной дороги» (Там же. Д. 91. Л. 1).

Для координации агентурной работы с китайцами начальник Амурского ЖПУ связался Начальником Железнодорожного полицейского управления КВЖД полковником Горгопом.

Как отмечали осведомители Амурского ЖПУ — «...добытые сведения, хотя и смутного характера, указывают на действительное скопление китайцев по границе, по наружному облику гражданского населения, но по слухам это воинские части группирующиеся тайком».

По мнению полковника Горгопа: «Какого-либо движения, направленного против России, среди китайского населения Маньчжурии не замечается, но обращает внимание производимое китайцами увеличение численности и боевой готовности войск, находящихся к северу от главной магистрали КВЖД. Кроме того, последние покушения на порчу железной дороги, подчеркивал жандармский полковник, несомненно, производимые по наущению германцами китайцев, доказывают, что германцы, проживающие в китайских городах, ведут среди китайцев антирусскую агитацию» (Там же. Л. 1 об).

Последнее донесение скоро нашло подтверждение. Так, начальник иркутского губернского жандармского управления (далее ИГЖУ) 11 декабря 1914 г. сообщил генерал-квартирмейстеру штаба Иркутского военного округа (далее ИВО): «Заведующий контрразведывательным отделением в г. Хабаровске отдельного корпуса жандармов ротмистр Немыский телеграфировал 9 декабря на имя заведующего Благовещенским розыскным пунктом ротмистра Богацевича, что им получены сведения о формировании по распоряжению германского правительства хунхузских шаек, имеющих своей целью освобождение военнопленных, для чего предполагается нападение на Никольское, Спасское, Иман, Раздольное и Благовещенск около 18 декабря» (*Там же. Л. 3*).

Иркутскому генерал-губернатору начальник ИГЖУ докладывал 23 декабря 1914 г. за № 12650 следующую информацию: «По поступившем мне в управление негласным сведениям, во многих пунктах Приморской области, под воздействием германской агитации, организуются шайки хунхузов для нападений, имеющих цель отвлечь внимание русского правительства и тем самым оказать помощь Германии. Главари означенных шаек хунхузов имеют связи с пленными офицерами и в настоящее время озабочены сформированием и снабжением членов шаек большим количеством оружия, с тем, чтобы сделать несколько вооруженных выступлений на предстоящих праздниках рождества Христова.

По тем же сведениям, частично проверенным, на Дальнем Востоке, и в пределах Китая, установлено появление неизвестного немца, носящего китайское, национальное платье и имеющего визитные карточки, снабженные четырьмя иероглифами, перевод которых значит Хер Вате (так в документе), который ведет агитацию среди китайцев с целью вызвать вооруженное восстание их против России» (*Там же. Л. 7*).

Результатом германской деятельности в Китае стало то, что группа китайцев попортила на русской дороге Владивосток-Харбин между станциями Чжэн-хаоцзы и Сан-цзяцзы железнодорожный мост и подожгла на Сунгари маленький пароход «Сибирь». Данные диверсии были результатом акций проводимых германским консулом в Мукдене. Он направил для подрывной работы, вице-консула — этнического китайца Си Гусаня, с переводчиком Шэнь Юнченом. Они организовали шайку хунхузов из 27 чел., получающих ежемесячное содержание в 70–80 дол. Китайцы были снабжены ручными взрывчатыми снарядами, которые были доставлены из Тяньцзина (*Там же. Л. 12*).

17 января 1915 г. начальник ЖПУ Амурской железной дороги сообщал Приамурскому генерал-губернатору, что «В связи с поступающими сведениями о сосредоточении, якобы, китайских войск и боевых припасов на правом берегу Амура и возможности нападения на Благовещенск и линию железной дороги, мною одновременно были приняты меры, как проверки этих сообщений, так по возможности и собрания новых, в целях установ-

ления истины, причем группировка сведений дает следующую картину: Китайских войск находится в Сахаляне около 500 пеших и 40 конных чел., в Айгуне и окрестностях около 1 000 пеших и 50 конных человек, в деревне Сухоно до 300 пеших и конных и далее до Цицикара, по деревням до 1 000 чел. У Цицикара, якобы, расположено 10 000 чел. пехоты с пятью большого калибра орудиями и 24 орудиями полевой артиллерии, здесь же имеются склады боеприпасов и провианта. Кроме того, около Мохо, в ноябре месяце усиление на 1 000 чел. при орудии (*Там же. Л. 15*).

Китайская пехота, — подчеркивал представитель спецслужб царской России, — вооружена винтовками германского образца. Одновременно ко мне поступили сведения, что один из служащих фирмы Кунст и Альберс во Владивостоке является офицером Генерального штаба Германии, хорошо владеет китайским языком, который совершенствовал в Приамурском военном округе, он же в ноябре месяце въезжал в Цицикар, где имел свидание с 12 китайцами, обучавшимися ранее в технологическом институте в Германии, из которых 8 китайцев, под видом торговцев разъехались с товаром по дальневосточным городам, от Иркутска до Хабаровска включительно, а германский офицер вернулся с 4 китайцами во Владивосток, где будто бы находятся до настоящего времени. Все эти лица занимаются шпионством в пользу Германии. По тем же сведениям в Тяньцзине имеется орудийный завод, под руководством германского генерала, где вырабатываются снаряды со сжатым воздухом газом. По данным полученным сведениям, враждебное отношение китайцев к России можно предполагать только со стороны реакционеров, не разделяющих политику Юань-шикая и предполагать об открытии военных действий со стороны Китая нет оснований» (*Там же. Л. 15 об.*).

Таким образом, вопрос о вступлении Китая в войну на стороне Германии был снят к январю 1915 г. В то же время российские власти беспокоил германский шпионаж на востоке России с участием китайцев-агентов.

С.А. СЁМИНА

ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЕ ПРОМЫСЛЫ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX В.

Промысловая деятельность издавна играла огромную роль в социально-экономической жизни Иркутской губернии. Самостоятельные промысловые и кустарные производства были практически в любом населенном пункте.

Промысловая деятельность была наиболее развита в районах, богатых лесными массивами и водными ресурсами. Киренский округ славился пушниной и лесными промыслами. Расположение Нижнеудинс-